

ТЕНЬ В КАРАУЛЕ

ПОСТ НОМЕР НОЛЬ

Леонид Ташлыков

Тень в карауле

«Автор»

2026

Ташлыков Л. М.

Тень в карауле / Л. М. Ташлыков — «Автор», 2026

Младший сержант Денис Ипатов знал, как выживать в системе: как усмирить наглого «деда», как не сломаться под прессом устава и как подшиться с закрытыми глазами. Но служба в дивизионе под Кемерово оказалась не про устав. Здесь, среди бетонных заборов и гнилой колючей проволоки, реальность дает трещину. На заброшенном Посту 0 из теней выходит «театр богов», а в затылок дышит не ветер, а сама пустота. В этом месте осознанные сны становятся опаснее яви, а настоящая война начинается там, где логика рассыпается в прах. Когда древнее зло впитывается в стены казармы и смотрит тебе прямо в душу — автомат не поможет. Сможешь ли ты не сойти с ума и сдать пост, когда поймешь: ты здесь не охранник, а добыча? В основе романа лежит личный опыт автора и годы практики осознанных сновидений.

© Ташлыков Л. М., 2026

© Автор, 2026

Леонид Ташлыков

Тень в карауле

Глава 1. Пост номер ноль ВСТУПЛЕНИЕ

— БАТАРЕЯ ПОДЪЕМ, — взорвало воздух пропитанный сновидениями. Звенящий звук ударился о стену, звякнул стеклом окон и рикошетом отскочил от потолка, заглянул в каждую щелку, забрался под каждое одеяло, разметав в пух и прах застоявшийся дух сонной казармы — пронеслось вихрем, не давая ни какого шанса на сон, ни какой возможности быть не услышанным. Могучая энергия, пропитанная бесконечными подъемами, подхватила еще не проснувшиеся тела, столкнула с кровати, всунула ноги в сапоги, предварительно обмотав портянками, смешалась с густым запахом гуталина и затихла, передав весь свой потенциал в солдат.

Мозг Дениса сопротивлялся и искал любую лазейку, хотя бы на миг, снова погрузиться в блаженный покой, и даже пробежка вокруг плаца, после скоротечной утренней проверки, не смогла встряхнуть и воспламенить пламя сознания в стриженной голове, и только холодная вода немного освежила.

Умывальная комната давно требовала замены раковин, красуясь облезшим покрытием и пробивающейся ржавчиной через сколы и трещины. Горячая вода была не предусмотрена, как говорил сержант «Солдат не барышня, должен держать себя в тонусе!», да и много чего было не предусмотрено в этом дивизионе - затерянном между редкими островками леса и деревень. Туалет в помещении был, но чисто символический — им не пользовались в связи с проблематичностью работы канализации и все, включая офицерский состав, невзирая на погодные условия, ходили в деревянный, стоящий за казармой, недалеко от бани.

Денис плеснул в лицо ледяной водой, стараясь окончательно вытряхнуть из головы остатки сна. Раковины отливали холодным гляncем. Здесь, в дивизионе, время словно застыло: те же серые стены, тот же запах хлорки и хозяйственного мыла, что и в учебке. Он посмотрел на свое отражение в мутном зеркале. Нужно было еще успеть проверить воротничок — свежая белая полоска подшивы должна была идеально ровно выступать над краем кителя, но это его волновало мало, после учебной роты, он мог подшиться с закрытыми глазами. Малейший перекося или грязное пятно — и вместо завтрака будешь полчаса выслушивать нотации сержанта о внешнем виде советского воина. Армия быстро приучала к тому, что мелочей не бывает: либо ты следишь за собой сам, либо система заставит тебя это делать через пот и мозоли. Денис глубоко вздохнул, вытер лицо жестким вафельным полотенцем и почувствовал, как внутри понемногу просыпается та самая армейская злость, которая помогала выживать в любой учебке и в любом карауле

Денис, набрав в ладони очередную порцию холодной воды, плеснул в лицо и огляделся, всматриваясь в незнакомые лица. Как правило, первое впечатление от интуиции, выходит из подсознания и бывает более верным, чем осмысленные выводы логических умозаключений. Денис это хорошо знал. Он не раз попадался в ловушки сознания, наступая на одни и те же грабли, ошибаясь в людях, получая то, чего мог избежать, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Он смотрел на сопящих и фыркающих солдат, суetyщихся у умывальников, и пытался понять, кто и, что, собой представляет, заранее отмечая, кто достоин внимания, а кого игнорировать, кого нужно остерегаться и с кем можно завязать дружбу. Обладая способностью подбирать ключики к душам сверстников, он быстро заводил друзей, а те, чьи замки не поддавались даже отмычкам, просто игнорировались, но армия ни так однозначна как гражданка и, отодви-

нуть в сторону человека не так-то просто, тут приходится вариться в одном огромном котле, и по закону вероятности, столкновения с каждым из этого супа неизбежны. Плюс не малую роль играют ступеньки роста, отмеченные временными этапами срока службы, как мощный луч рентгена, высвечивая нутро каждого, выворачивая все качества на показ, без прикрас и тушевания.

Зубная щетка, куда-то подевалась и Денис, выдавив немного пасты на указательный и средний палец правой руки, как мог, почистил зубы. Вкус мяты без жалости уничтожил остатки вкуса маминых пирогов, который ярко чувствовался на губах, вынесенный из сна. Он не знал, что череда невероятных событий, наполненная дыханием и азартом, невиданных и непознанных сил, тасующих эмоции, перемешивая характеры и подтрунивая на совершения безумных поступков, во славу своего тщеславия, приведут его к неминуемой гибели.

Так начался первый день в четвертом дивизионе в сорока километрах от города Кемерово, у младшего сержанта Ипатова. За плечами остались полгода "учебки" в городе Ялуторовске — учебной воинской части, где он прошел курс обучения по подготовки командиров отделения гусеничных машин. Помимо военного билета, отныне, карман оттягивали еще и права механика-водителя 3-го класса, многоосного, гусеничного тягача.

Дениса хотели оставить художником до конца службы, взамен уходящего в запас сержанта Горностаева, два года отдавшим свой талант на попечения местных командиров. У Ипатова за плечами пять лет художественной школы, поэтому его кандидатура, была логичной. Всевозможные агитационные стенды и плакаты требовали постоянных обновлений, коих было неимоверное количество на территории и в помещениях, поэтому в частях всегда был свой художник из числа военнослужащих. Но, строптивый характер и свободолюбивая душа, ни как не могла смириться с гнетом сержантов, которые лютовали, упиваясь властью. Прописная истина: «повезет с сержантом в начале службы, считай, повезло во всем» — как издевательство, часто звучало в голове Ипатова: «Они, заменяют: маму, папу, злую мачеху, строгого прокурора и доброго самаритянина и кому они кем придутся, зависит от их симпатии и доброго расположения духа, а также степени сволочности души».

Высокий и жилистый, без тени страха и заискивания в глазах, Денис сразу не понравился сержантам. Когда сержанты были необстрелянными воинами, как и он, то боялись до жути командира, старшего сержанта, по роковой случайности похожего на Дениса. Это сходство сыграло злую шутку над ним и, все его умение ладить с людьми рассыпалось как карточный домик. С самого первого дня пребывания, конфликты с сержантами набирали обороты. Последнее столкновение не прошло незаметно со стороны командования. Офицеры приняли сторону сержантов, и было вынесено решение по отправке Дениса в войска, и даже отсутствие замены художника, не смогло изменить решение.

Много баек и страшных историй о своем будущем, наслушался Денис до прибытия в дивизион.

— Посмотрим как в войсках послужишь. Это тебе не учебка. Там мигом тебе рога обломают, - съязвил старшина на прощание, когда Денис заправлял в последний раз свою постель на третьем этаже казармы, где располагался учебный взвод. - Дедовщина не уставщина, — добавил он.

— Неизвестно, что хуже, — парировал Денис. — По уставу по струнке ходить или с подзатыльниками, поначалу, зато потом...

— Вот и поглядишь, поначалу и потом... Ты здесь, можно сказать, на курорте. У нас художник как у Христа за пазухой живет. Плакат намалевал, и свободен. А там будешь летать как фанера над Парижем.

И вот он здесь, в войсках и, ему придется испытать на собственной шкуре правдивость этих страшилок.

1. МОЯ, ТВОЯ КОМАНДИРА

В семь часов утра, личный состав выстроился для утреннего осмотра, в центральном проходе казармы.

Дежурный по дивизиону, сержант Зайченко, доложил старшине Борисову, о готовности личного состава осмотру. Сержант был щуплым юношей, невысокого роста, с родинкой у губы и симпатичным лицом. Старшина, не отличался от него ростом, но был с фигурой деревенского здоровяка с густыми усами и лохматыми, сросшимися бровями. Затем дежурный проверил по списку наличие личного состава, зачитав фамилии вслух и отмечая присутствующих, и отдал распоряжение командирам отделения проверить внешний вид своих подчиненных.

Ипатов стоял в стороне и ждал особых указаний, так как еще не знал, куда его определят.

— Младший сержант Ипатов, — гаркнул старшина.

— Я, — последовал ответ.

— Принимай подчинённых, — старшина мотнул головой, указывая бровями на трех бесхозных бойцов. — Отныне, ты командир этих богатырей.

В подчинении Ипатова оказалось четыре рядовых: два грузина и узбек одного с ним призыва, и русский, отслуживший на целый год, больше. Он был в наряде и поэтому отсутствовал, что обрадовало Дениса. Мысль, что старослужащий будет под его началом, вызвала трепетание сердца и, опустилось тяжелым осадком.

Как оказалось, по осени, ушел на дембель бывший командир отделения первой батареи, отвечающее за боевую готовность кабины «А», подвижного зенитно ракетного комплекса С-75. Место было свободно, и еще за несколько дней до прибытия Ипатова в часть, приказом командира дивизиона, эту должность закрепили за ним.

В состав комплекса входили: станция наведения ракет — кабина "П" (которую все называли чебурашкой из-за двух круглых антенн напоминающих уши), аппаратной кабины "А" — упомянутой выше- отвечающей за ведения цели, выделяя ее из помех природного и искусственного характера, радиодальномера, шести пусковых установок и шести транспортно-заряжающих машин. Так как машины для транспортировки и заправки зенитных управляемых ракет, были не гусеничные тягачи, а КРАЗы, то на этом его карьера водителя закончилась.

Как реагировать в такие моменты он не знал. За время учебы в Ялуторовске, намертво въелась теория, в виде правил и догм, определенных внутренним уставом, а вот навыки взаимодействия с подчиненными отсутствовали, и их придется оттачивать на практике в реальных условиях. Не уверенным шагом он подошел к отделению и, протянул руку узбеку, самому крупному из троицы. Он был ниже Дениса, и смотрел изучающим, насмешливым взглядом. Черная, кучерявая шевелюра и массивная челюсть прибавляла ему годы и придавала сердитый вид. Денис как можно тверже пожал руку и представился:

— Младший сержант Ипатов.

— Командира, говоришь? Ипадов? - улыбнулся узбек, не отпуская руку, устроив небольшое соровнование в силе и представился. — Пипр.

— Пипр?, — переспросил Денис, не уступая в силе пожатия.

— Ага. Пипр. Так и зови, — сказал подчиненный и как то странно рассмеялся (словно закашлял, с пропавшим голосом старичок) и издевающимся тоном продолжил - Смотри, вот. Воротничок чистый, подшил. Завтра ты подшивать будешь. Командира.

— Обязательно. Уже бегу, — последовал ответ, после которого Денис смог освободиться от тисков узбека.

Немного позднее, Денис узнал: Пипр это не имя, а прозвище, которое по не понятным причинам, придумал себе сам Достон Довлатов, значение которого, так навсегда и осталось

загадкой. Довлатов родом из Узбекистана, где учился в русской школе и поэтому с братьями по крови, общался редко, но восточная мелодия в его разговоре отчетливо слышалась. Грозный вид узбека был обманчивый. На самом деле, он был безобидным, если не считать дурацких приколов, которые из него сыпались не переставая. Шутки, у него были с кислым душком и многих обижали, но сам он смеялся над ними всей душой, заходясь кашлем.

Вторым был грузин Мгелико Буркадзе, тоже невысокого роста, как и Довлатов, но намного стройнее. Одну бровь он постоянно поднимал и говорил с сильным акцентом горца. «С ним точно, проблем не будет» - отметил про себя Денис, и не, потому что он был худым и выглядел слабее его, а просто почувствовал: у них есть, общее, улавливаемое на уровне интуиции, при первом контакте.

Следующее знакомство было еще с одним грузином, рядовым Кобой Беридзе. В отличие от земляка, он не внушал доверия. Бегающий взгляд карих глаз под густыми бровями выдавали в нем человека хитрого и мстительного, а большой, горбатый нос с несколько загнутым концом указывал на человека гордого с горячим сердцем, но маленький подбородок ослаблял все эти качества, понижая их до нулевой отметки. Он старался выглядеть устрашающе, в чем откровенно переигрывал и, это не ускользнуло от внимательного взгляда Дениса. Он жал руку, всем телом, вкладывая весь свой темперамент в это действие. Затем произнес нарочито хриплым голосом:

— Рядовой Беридзе, — потом немного покопавшись в голове, в поиске фразы которая, произведет впечатления и, ни найдя ничего подходящего, промычал. — Ммм... Коба.

— Значит, будем служить вместе, — выдал Денис, заранее заготовленную фразу обращаясь ко всем.

— Сначала подкрепимся, как следует, — произнес Мгелико Буркадзе, потирая живот, — А служить, ни куда не убежит.

— Пожрать не помешает, — подхватил Беридзе, — Какой сила будет служить, бес пожрать? Война на голодное брюхо, не война, а танцы. Диско, бриско, дискотека.

— Ты, откуда? — изогнул дугой бровь Мгелико, и Денис явно увидел вопросительный знак, удивляясь богатой мимики грузина.

— В смысле? С Ялуторовска из «учебке».

— Да, не. Родом будешь? Я с Гори. Слышал?

— В Грузии?

— Нет в Турции... Где еще могут быть Гори? Как не в Грузии? Ебстебственно... Эээ... Знаменитый город, старинный. Должен знать.

— С Братска я.

— Брянск?

— Да нет. С Братска. Байкал, Ангара. Иркутская область. Сибиряк.

— Сибиряк, это хорошо. Сибиряк нормальный народ

— Нормальный, шнормальный, — прохрипел Коба. — Послужим, увидим. Сибиряк, не сибиряк, джигит или кто его знает. Кто, откуда? Все мы оттуда вылезли. А ху из ху, вопрос.

"Первое впечатление от знакомства вполне устраивает — думал Денис — Но впереди еще предстоит встреча со Смирновым. Все-таки он отслужил полтора года, а это слегка напрягает. Какой я для него командир?! В лучшем случаи пошлет куда подальше. Как тут с дедовщиной, ещё не понятно. Пока ничего криминального не произошло и это успокаивает, но расслабляться не стоит. Всем известно что, перед бурей всегда тихо, и шархнет, порой, откуда и не ожидаешь"

За разговором время проверки пролетело быстро и, оставалось несколько свободных минут до завтрака. Строй распался и все разошлись, кто покурить, а многие из молодых перешивать подворотничок (так как их "И так сойдет, еще не грязный" не пролезло), кто-то просто бродил без дела в ожидании самого лучшего проведения времени службы — принятие пищи.

А Довлатов, ни чего не нашел лучшего, как поиздеваться над новоявленным командиром. Он не отпускал Ипатова, левой рукой держа его под мышку, а правой хлопая по груди, выставляя всем на показ, приобретённую игрушку, приговаривая:

— Мой командира, мой командира.

— Твой, твой, — пытался отшутиться Денис, предпринимая неловкие попытки освободиться от назойливых приставаний подчиненного.

Мимо проходил ефрейтор, высокий узбек, и с интересом смотрел то на Ипатова, то на Пипра. У него было неестественно детское лицо, с некрасивым, толстым шрамом, пересекавшим всю правую щеку, от края глаза до самой челюсти. Большой рот с пухлыми губами растянулся в улыбке, когда он развернулся и уверенно направился в их сторону. Схватив Дениса за воротник, он обратился к земляку:

— Твой командира, говоришь? — потом перевел внимание на Ипатова, — Смотри мне... командира, «Иплес».

— Салам, Фарход. Мой командира. Сибиряк, — пропел Пипр, отпустив Дениса, и прокашляв в руку.

— Смотри мне "Иплес", ты, не командира. Твои сопли на погонах сафсата. Пока ты "иплес", будешь шуршать.

Ипатов не ожидал такого поворота и вначале оторопел, а потом взял себя в руки: «Этот высокий узбек не походил на старослужащего, слишком уж молодой с виду. Спускать дело на тормозах нельзя, тем более к новичку всегда присматриваются, а решив, что он струсил, будут в дальнейшем обращаться соответствующим образом. Потерять репутацию можно в миг, а восстановить требует огромных усилий иногда безрезультатных». Ипатов это понимал как никто другой, так как сам гнобил потерявших уважение и, никогда не верил, даже единожды, оступившимся. Поэтому он резко сдернул с себя руку Фархода и оттолкнул его от себя:

— Заладил, смотри, смотри. Ну, смотрю, и что? Сам смотри. У самого сопля на погоне.

— Ты что? Оборзев? Иплес, — прошипел узбек сквозь зубы. Казалось, звук идет из шрама заштопанного неумелой рукой военного врача.

Улыбка преобразилась в злое оскальчившееся оскал, и кулак неожиданно врезался в живот Ипатову. Денис, выдохнул и сделал шаг назад. Упражнения на турнике закалили пресс и удар не произвел тот эффект на который рассчитывал Фарход. Это его разозлило еще больше, и он ринулся вперед. Стычки не миновать но, неожиданно между ними встали два сержанта славянской внешности. Мятая папироса в уголке губ одного, усы, расстёгнутые воротники и низко висящие из натуральной кожи, потертые временем ремни у обоих, указывали - это или деды или дембеля. На проверки их не было, значит, на подъем не вставали и вышли, к завтраку, подтверждая статус. Тот, который курил, выпуская клубы дыма прямо в лицо узбека, остановил его, опершись ладонью в грудь:

— Что за буча? Фарход. Хочешь, кипишь поднять, ночь в распоряжении. А сейчас отвянь.

— Жора, стой, Этот "иплес", оборзев. Нюх потерял, на меня дерзит.

— На дембеля пер, виновен. Ответит, — стал рассуждать второй. — Но... но, натягивать своих будешь. Ты же дембель, не браво это, на салаг гнать, это дело черпаков и дедов. Ты же выше этого. Да что говорить... Короче. Ночью один на один без зем.

— Толково говоришь, Саша, — поддержал друга Жора и обратился уже к Денису:

— Ты кто? Военный.

— Вчера прибыл, вечером. Младший сержант Ипатов.

— Да мне хоть, младший брат Суворов. Ночью биться будешь. Западло дембеля с духом... но... Фарход переживет. Переживёшь же? А Фарход?

Физиономия со шрамом перекосилась, и он буквально выплюнул слова в сторону Дениса:

— Живи пока. Жди отбоя. «Иплес»

Затем, презрительно посмотрел на славян. Сплюнул в сторону и, оглядываясь шаркающей походкой, последовал в столовую.

— Значит переживет. Не сачканёшь, получишь уважуху. Сачканёшь...

После этих слов, Жора, тремя пальцами смял остатки папиросы, и шелчком, метко отправил бычок в урну, и продолжил:

— Да не ссы. Сейчас не ступевался с узбеком, уже зачет. Ночью отвечать придется, накостыляют немного, но мы проследим, чтоб не поломали. На дембеля пургу нес, ответ должен быть. Такие законы брат, ничего не поделаешь.

Одобряющее похлопывание по плечу, Дениса не успокоило и, у него похолодало в груди. "Кто же мог подумать, что он дембель, - крутилось в голове. – Салага, салагой. Был бы ниже ростом больше пятнадцати лет бы и не дал. От драки не уйти, придется биться, лишь бы не покалечили. Один на один - смешно. Стоит мне верх взять, стаей накинутся. Знаю я это — один на один"

Воображение рисовало разные страшные картины, налитанные дыханием историй о дедовщине, коими пичкали в "учебке" сержанты, которые боялись войска как огня и приукрашали то, с чем сами ни когда не сталкивались.

День прошел относительно спокойно. Ипатов весь день провел - с перерывом на обед - за изучением кабины "А", напичканной всевозможной аппаратурой, которая требовала постоянной настройки и регулирования, под пристальным вниманием младшего лейтенанта Краснова. Краснов, окончил институт с военной кафедрой и был призван на девять месяцев в войска. Такие офицеры не пользовались почетом и в лучшем случаи, воспринимались на уровне сержантов. Лишь возраст придавал им вес, так как они были опытнее и мудрее вчерашних школьников.

В оборудовании кабины, он разбирался ненамного больше Ипатова и изучал ее по инструкции, держа его в левой руке по ходу действия объясняя функции и предназначения многочисленных датчиков и осциллографов, а также способах их настройки. Выглядел он не солидно. Не по размеру большая ушанка съезжала вбок и придавала ему бестолковый вид. Шинель, наоборот малая и сковывало движение. Лицо напряженное и неподвижное, шевелились только губы маленького рта, вяло пропуская слова из образывавшейся шелки. В помещении было тепло и уютно и информация с трудом пробиралась сквозь дрему.

В казарму Ипатов вернулся перед самым ужином. В столовой Фархода не было, на кухне в окружении земляков он ел свежеприготовленный плов. На обеде он тоже отсутствовал, так как нес караульную службу, охраняя полигон от проникновения извне.

О предстоящей стычке, Денис старался не думать, а тем временем, ночь, мерными шагами подкрадывалась, прогоняя солнце с небосклона, впуская темноту и приближая неизбежное. Незадолго до отбоя он познакомился с последним своим подчиненным. Смирнов, напоминающий медвежонка, сам подошел к нему и представился, протянув руку:

— Олег

— Денис

Смирнов посмотрел внимательным взглядом в лицо Ипатову и спросил:

— Я слышал, ты с Фарходом поцапался?

— Да, так. Пипр устроил представление, ни кстати...

— Это он может. Шутник по жизни. Теперь держись. Фарход отчаянный.

В разговор вклинился Буркадзе, и сразу стал качать головой:

— Ты что? Ти на кого полез?

Смирнов сразу потерял интерес к разговору и завалился прямо на застеленную кровать. Раздалось еле различимое похрапывание, а грузин продолжил:

— Ты ж никто, полгода в «учебке» не в счет, а он дембель. Понимаешь? Дем... бель. Домой лычки чистит... Шарам видел? Это он здесь заработал, год назад.

Денис кивнул головой. Буркадзе изогнул бровь до предела и многозначаче поднял указательный палец:

— Эээ, шарам, бандитски пуля. А слышишь, да?...

Денис в недоумении посмотрел на грузина, а тот, добившись впечатления которого хотел, продолжил:

— Ферма тут, недалеко. Там бик. Страшный, черный, огромный племенной бик с кольцом в носу. Пришел в самоход к нашим коровам. Оторвался от привязи и пришел. Нуу, Фарход и решил его вигнать. У него в ауле много биков. Он их много видел. А этот не бик, это зверь, понимаешь? Он Фарходу рог за щеку дал.

— Не понял?

— Боднул его прямо в рот. Что не понятного? Щеку порвал. Поднял и бросил. Потом топтать начал. Водилы, ЗИЛом его выгоняли. Фарход полгода в больнице валялся. А ты не бик. Тэгирхева. Тебе рога ночью оторвут.

Тут появился Пипр и закончил фразу за грузина, поставив точку в разговор:

— Люля-кебаб будет. Ээээ, прощай командира. Хороший был сибиряк. Секир башка, тебе дорогой.

* * *

Наглые минуты, пролетели пулей, пулей пронеслась вечерняя проверка. — ОТБОЙ! — врезалось клинком и расщепило реальность.

Так как была весна и по ночам в казарме было довольно прохладно, спали в натальном белье. Денис лежал под теплым одеялом и ощущал прохладную тяжесть пряжки солдатского ремня, который надел под рубашку на голое тело. Ремень придавал уверенности и то самое чувство защищённости, которого так не хватало в первую ночь в войсках. Стараясь не заснуть, он вслушивался в тишину и изредка, сквозь щелки едва приоткрытых век, всматривался в темноту, ожидая нападения Фархода.

В какое-то мгновение перед глазами поплыли датчики, мониторы и тумблера, на которые он насмотрелся за день в кабине «А». А следом, словно кинофильм, пронесся вчерашний вечер...

Отбой давно прошел, когда он впервые вошел в эту казарму. С поезда он попал сюда не сразу: сначала отметился в штабе полка в Кемерово, а потом на вызванной машине его и молодого армянина Ару привезли в дивизион. Ара — невысокий крепыш с типичной армянской внешностью — явно контрастировал с высоким и светлым Денисом.

Дежурный по тумбочке уставился на них равнодушным взглядом, нахохлился и снова провалился в забытье. А затем из полумрака, как призрак, появился заспанный прапорщик Елдаш. Он был на босу ногу в сланцах, окинул пополнение туманным взором и проскрипел:

— Штепсель и Тарапунька, твою... Двигай сюда. Он отвернулся и заковылял обратно, что-то бормоча под нос. Новоприбывшие, как на привязи, последовали за ним в каптерку.

— А? — только и смог спросить Ара, вертя головой с обезумевшим взглядом.

— Что «а»? — не поворачиваясь, процедил прапор. — Постель получите и спать. Всё. Завтра вешаться будете... А-а-а-а-х, — он сладко зевнул. — Сейчас — спать.

Денис решительно отбросил эти видения, когда понял, что проваливается. Стал про себя твердить: «Не спать, не спать! Только не сейчас». Нужно было дождаться врага с ясной головой — спросонок всё видится не так, можно совершить глупость, которая дорого обойдется.

Борьба продолжалась недолго. Перед глазами снова поплыли лица. Выплыл добрый Смирнов, крепыш из алтайской деревни. «Не такие уж они и страшные, эти войска, — думал, засыпая, Денис. — Если бы не Фарход, черти его бери...»

Природа взяла верх, и сопротивление было сломлено окончательно. Младший сержант Ипатов растворился в царстве Орфея, отдавшись на волю судьбы.

Глава 2. АСТРАЛЬНЫЙ БЫК

Команда ОТБОЙ врезалась клинком и расщепила реальность. Была весна, и по ночам довольно прохладно, поэтому спали в нательном белье. Денис лежал под теплым одеялом и ощущал прохладную тяжесть пряжки солдатского ремня, который надел на голое тело под рубашку. Ремень немного придавал уверенности и чувство защищенности. Стараясь не заснуть, он вслушивался и сквозь щелки едва приоткрытых век всматривался в темноту, ожидая нападения. В какое-то мгновение перед глазами поплыли датчики, мониторы, регуляторы и тумблеры, на которые он посмотрелся днем.

Затем пронесся фильмом вчерашний вечер. Отбой давно прошел, когда он первый раз вошел в казарму дивизиона. Вместе с ним прибыл и новобранец, молодой армянин, только что принявший присягу в полку. Ара — так звали молодого бойца — невысокий крепыш с черной короткой прической, с типичной армянской внешностью, явно контрастировал с высоким и светлым Денисом. Дежурный по тумбочке уставился на них равнодушным взглядом, нахохлился и провалился в забытие. Заспанный прапорщик Елдаш появился как призрак из полумрака в сланцах на босу ногу, окинул пополнение туманным взором и проскрипел:

— Штепсель и Тарапунька, твою... Двигай сюда. — Отвернулся и заковылял обратно в полумрак, непонятно что-то бормоча себе под нос.

Новоприбывшие, как на привязи, последовали за прапорщиком в каптерку.

— А? — спросил Ара, вертя головой с обезумевшим взглядом.

— Что «а»? — не поворачиваясь, процедил сквозь зубы прапор.

— А... а постельное белье получите — и спать. Все. Завтра вешаться будете. А-а-а... — зевнул он. — Ща спать.

Денис решительно отбросил видения, когда понял, что проваливается, и стал про себя твердить: «Не спать, не спать. Только не сейчас». Борьба со сном продолжалась недолго, перед глазами поплыли фантастические картины, уводя от реальности все дальше и дальше. Природа взяла верх, и сопротивление было сломлено. Незаметно он растворился в царстве Морфея, отдавшись на повеление судьбы.

Пыль едким облаком поднималась от удара копыт. Безжизненная, выжженная солнцем земля, покрытая сухими огрызками — остатками былой роскоши, упиралась в край мира. Грустный хруст, напоминающий потрескивание костра в летнюю ночь, и глухие тяжелые шаги нарушали беззвучную пустоту прогретого воздуха. Копыта вдавливались в сухую корку, поднимая пыль, разъедающую ноздри. Денису снится, что он бык — могучее, не знающее усталости животное, изнывающее от жажды. Инстинкт непреодолимой силой заставляет двигаться вперед по мертвой поверхности в поиске сочной травы или ручья. Там, где земля прикасается к одинокому небу, прогретый воздух манит к себе иллюзией, вселяя надежду, что там, на горизонте, океан — спасительная влага, дарующая жизнь.

Всматриваясь в край земли, Денис замечает приближающегося одинокого путника, который то растворяется, то появляется вновь, покачиваясь миражом. Пульсация сгустившейся крови в висках сотрясает тело. Неописуемая ярость взорвала мозг и отключила разум, когда Денис узнал в мираже Фархода. Сухой обжигающий ветерок прошелся по потрескавшейся поверхности, и его шуршание отозвалось глухим, еле различимым голосом в голове: «Это сон. Это просто сон».

В мгновение ока Денис осознал, что спит. Реальность зазеркалья заискрилась яркими красками, логика включилась, разбудив внутреннего критика. «Это сон. Это просто сон», — вторил он за шепотом ветра. Задолго до призыва он прочитал книги Кастанеды, перелопатил всю имеющуюся литературу по астральным путешествиям и люцидным сновидениям. Книги Роберта Монро и Лабержа стали главными в его жизни. Упорные занятия научили его изредка осознавать себя во сне. Но полгода до призыва, спиртное и девочки тормознули развитие. При-

зв в армию окончательно прервал практику, и вот после долгого перерыва он испытал это снова.

«Может быть, бросить все и улететь к неведомым мирам? — пронеслось в мысли. — Зачем тратить драгоценный миг на глупый сон, чужой, навеянный уставшим подсознанием?» Но жажда воды переросла в невыносимую жажду крови. Откуда такая ярость, несвойственная его существу? Еще никогда он не ощущал такую бурю эмоций, такую ненависть и такое неистовое желание крушить и уничтожать. «Вот он, злодей, — отозвалось в голове шуршанием песка, и гвоздь безумия пронзил мозжечок. — Враг, который с минуту на минуту разбудит меня, а там как масть ляжет. Наверняка Фарход уже

склонился над моей кроватью и злобно ухмыляется в окружении своих подельников».

Новая волна ярости мощным цунами обрушилась на Дениса. Он кинулся на беззащитного узбека, потеряв наполовину осознанность, обезумев от желания крови, навалившись на него всей мощью. Потеряв контроль над своими эмоциями, он чувствовал каждую мышцу, каждую жилу, извивающуюся змеями под кожей. Он полностью сублимировался в животное, и даже кончик хвоста был под его контролем. Бык топтал и топтал врага без устали и жалости, несколько раз поднял на рога, не обращая внимания на стоны и мольбы о пощаде. «Никакой слабину, только расплата. Буйство гормонов и кипение адреналина, остальное — второстепенное, несущественное». Когда тело обмякло и перестало подавать признаки жизни, копыто вдавило голову Фархода в пыль.

Если бы Денис обернулся, он бы увидел на пригорке прозрачную фигуру юноши. Тот не просто наблюдал — его стеклянные губы растянулись в едва заметной, хищной улыбке. Он слегка кивнул, словно одобряя удачный ход в сложной партии, и в этот момент в астральном воздухе отчетливо прозвучал не то вздох, не то тихий смешок наслаждения.

Сон закружился калейдоскопом, вспыхнул и растворился, прогоняемый утренним солнцем. Денис открыл глаза. Казарма гудела ульем. На зубах отчетливо ощущался песок и запах пыли.

— Ты чё спишь, командира? — тряс его Довлатов за плечо. — Подъем давно бил. Ай-я-яй, командира ленивый. Живей давай, шевели клешнями. Все уже построились, чэпэшка у нас.

Непривычное ощущение ремня на голом торсе воскресило события вчерашнего дня. Хлопнула уличная дверь, и раздалось:

— Смирно! Товарищ капитан, во время моего дежурства произошло одно происшествие. Дежурный по роте сержант Попов.

Звонкий голос дежурного подстегнул, как плетью, сонное тело Ипатова. Он по-молодечки соскочил с кровати. Гимнастерка, брюки и ремень, аккуратно уложенные на табурете, взметнулись птицей и покрыли тело с такой быстротой, на которую способны курсанты учебки после многочисленных тренировок по подъему и отбою. Еще секунда — и ступни, обернутые портянками, скользнули в сапоги. Ушанка водрузилась на голову, выровненная с помощью указательного пальца: боком прижавшись по всей длине носа, а фалангой с ногтем — к середине кокарды. Довлатов от такого представления невероятной юркости военного с удовольствием йкнул и высказал дань уважения такой способности:

— Койил, командира! Лихо ты это.

Денис сам удивился своей проворности. Хотя за первые полгода службы дрессировка сделала свое дело, но сегодня он был ловким как никогда, и чувство мощи ощущалось в каждом движении.

— Подъем? Что случилось? — спросил по ходу Денис Пипра, когда они мчались на построение.

— Каждое утро подъем, командира. А сегодня ночью кто-то Фархода покалечил. Ну, теперь начнется жизнь веселая.

— На мгновение узбеку показалось, что глаза у Дениса вспыхнули, как два уголька.

«Вот почему в эту ночь пронесло, — подумал Денис. — Кто это его покалечил? Видно, не я один в списке у дембеля, и фортуна оказалась не на его стороне. А может быть, в списке у кого-то и Фарход был сам. В любом случае это мне на руку — незапланированная отсрочка. Сегодня повезло, а дальше посмотрим».

Весь личный состав военной части, включая и тех, кто был в наряде (кроме караульной службы), выстроился на центральном проходе. Офицеры были в полном составе. Обескураженные срочным построением, они толпились в прихожей комнате, молча приветствуя друг друга, пожимая руки. Сквозняк гулял по помещению, потряхивая солдат беспардонными прикосновениями при каждом открытии дверей. Капитан Бойчишин, командир дивизиона, невысокий поджарый крепыш с торчащими ушами по прозвищу Кабина П, был как никогда взбешен.

Его импульсивные движения холерика приводили всех в гипнотическое состояние, а картавый голос с прыгающей интонацией заставлял вздрагивать. Осознание, что спокойная жизнь в дивизионе закончилась, волновало всех. И что ожидать от непредсказуемого капитана, можно было лишь предполагать.

Бойчишина, убежденного материалиста, ночное происшествие — необъяснимое логикой и с мистическим подтекстом — обескураживало и выводило из равновесия. Все, что случилось, не вписывалось в рамки его атеистического мировоззрения. Вера некоторых офицеров в потустороннее укрепляла его убеждение, что мир кишит идиотами. Ладно женщины — у них в крови это: погадать, поворожить, но офицеры — это немыслимо.

После формальной и непривычно быстрой утренней поверки капитан Бойчишин провел опрос каждого, затем выгнал всех с помощью ярких выражений на утреннюю пробежку, оставив только тех, кто непосредственно, явно или косвенно участвовал в происшествии: четырех восточных братьев, которые пировали после отбоя вместе с Фарходом, дневального и одного молодого недавнего призыва, дежурившего по кухне. Лица были помятые от бессонной ночи и крепленого красного. Ноги подкашивались. Желание спрятаться и забыться, обняв подушку, было написано на физиономиях. Глаза дрожали от напряжения, чтобы не захлопнуться, придавленные тяжелыми веками. Только молодой, оказавшийся невольным участником, переминался с ноги на ногу и ожидал, что его отпустят на заслуженный отдых. Посуда блестит, уход за раненым уничтожил минуты заслуженного отдыха, и это веский аргумент, чтобы командир отпустил его незамедлительно в уютное объятие одеяла. Наивный новобранец. Служба есть служба.

Командир скользнул в кабинет, кивнул головой и, не скрывая раздражения, гаркнул: — По одному!

Четверка в замешательстве начала толкаться, спихивая друг на друга привилегию быть первым. Дежурный по кухне был не против быстрее отстреляться и скрыться за дверью, тем более он просто невольный свидетель, не входящий в компанию привилегированных старослужащих, а значит, бояться нечего. Опустилась напряженная тишина, и несколько пар ушей навострились, стараясь расслышать, что происходит и о чем говорят в кабинете. Допрос прошел каждый.

Выслушав версии каждого участника злополучного ночного происшествия, Бойчишин собрал всех вместе и прослушал еще раз перебивающих и дополняющих друг друга солдат. После чего пришел к выводу: «Или все врут, или он сошел с ума». За время службы он слышал разные чудеса, но про летающего солдата, притом еще и падающего, калеча себя, он не мог бы придумать и в страшном угаре, и это вывело его из себя. Отборный мат на сказочников немного его успокоил, но желание навалить лещей каждому не проходило. Выглядело все надуманно и далеко от правды, а значит, за этим что-то скрывается. Выходило — никто не виновен, а Фарход сам по воле Всевышнего переломал себе кости и пробил череп. Бред несусветный. Все как эхо повторяли одно и то же, доводя этим до белого каления мозг командира — попугай, мать их, как по писаному стрекочут.

Бред было тяжело слушать, но ничего не оставалось другого. Из рассказа следовало: после отбоя пять старослужащих восточного братства скооперировались и устроили посиделки в помещении кухни. После распития вина, присланного из Баку родственниками рядового Рахимова, направленного в кружку Эсмарха (или по-простому в клизму), дождались плова и с удовольствием приступили к трапезе.

«Эту бы клизму — да по назначению, — подумал командир. — Скипидарчиком направленную, тогда не несли бы пургу, а только правду, горькую, но правду».

Все шло как и обычно своим чередом: они мирно кушали плов, вспоминая родину, как вдруг Фарход закатил глаза и стал задыхаться. Подавился. Старший сержант Каримов из Таджикистана не растерялся, так как прошел курсы медбрatов на гражданке, и кинулся на

помощь. Он дока в таких делах, и его движения были уверенные и ловкие: он несколько раз стукнул Фархода между лопатками, затем обнял одной рукой через талию, наклонил его вперед, сжал руку в кулак, приложив его к верхней части живота, другой рукой обхватил запястье на высоте желудка и, действуя руками, резким движением потянул его на себя несколько раз. «Вот оно, — подумал командир. — Из него медбрат как из меня балерина. Здоровый как лось, да и форма черепа как у неандертальца, медик — смешно. Вот он и поломал солдата, а остальные боятся и покрывают его. Зацепка есть, послушаем дальше».

Неведомая сила отбросила Каримова от Фархода. Фарход упал на плиточный пол и стал биться в конвульсиях, закатив глаза. Вдобавок ко всему его тело окутало голубое сияние. Зрелище было не для слабонервных, и Каримов от неожиданности отпрыгнул. Ударившись поясницей о край плиты, он выгнулся дугой, стараясь дотянуться руками до ушибленного места, закрутил бедрами, затем согнулся вперед, упершись руками в колени, и взвыл. Для подтверждения этого Каримов продемонстрировал командиру синяк на спине. «Вот и следы драки, — отметил про себя командир. — Подавился?! Все давятся сплошь и рядом, куда ни глянь. Складно сказка сказывается».

Молодой, мывший посуду, испугался и повалил сложенные алюминиевые миски. Те с оглушающим грохотом рассыпались по кафелю, эхом отозвавшись по всей казарме. Солдаты кинулись на помощь мотающемуся по полу ефрейтору, но в страхе отскочили, когда тот поднялся в воздух на полтора метра и рухнул вниз, потом еще раз и еще. Он поднимался и падал, калеча и ранив себя. «Идиота нашли, — мозг командира кипел. — Как в анекдоте: сам упал на нож и так двадцать раз. Я им устрою левитацию, еще никому не удавалось из меня идиота сделать».

Когда буйство невидимых сил прекратилось и стонущий Фарход остался лежать неподвижно, сослуживцы попытались привести его в чувство. Они не сообщили о происшествии, так как боялись неизбежной кары за распитие спиртного сильнее, чем за здоровье друга. Только за несколько минут до подъема они решились доложить дежурному по части о случившемся. Дослушав эту басню до конца, командир ощутил желание придушить каждого лично. С большим трудом подавив в себе гнев, он выдал из себя:

— И кто еще из вас летать умеет? Рано или поздно правда всплывет, и тогда вы у меня точно будете светиться голубым сиянием.

Посоветовавшись, командный состав решил не придавать огласке ночное происшествие и не доводить его до следствия. Дивизион превратится в цирк шапито, к гадалке не ходи, а посмешищем быть — нет уж, увольте. Непонятное и необычное происшествие, рвущее нить логики и здравомыслия. Проверками замучат и огребут все без исключения — а оно надо? Тут не проверки нужны, а хороший психиатр. Фарход был в сознании, и при внешнем осмотре медики пришли к заключению: «Многочисленные повреждения в основном появились в связи с непонятным физиологическим сбоем в организме. То есть воздействие было изнутри. И лишь незначительные гематомы на теле подтверждали версию, что он несколько раз падал».

«Правда всплывет рано или поздно, — думал командир. — И кто его ронял, получит по полной. Научу его родину любить. Из Фархода тоже ничего не выловишь, но это ясно — стукачи не в почете. Утверждает, что не дрался, а каким-то чудесным образом оказался в пустыне, где напал на него бык. Видать, куку у него съехала после того происшествия год назад, да и врачи говорят, что это возможно. Он получил психологическую травму, а ежедневное созерцание шрама не дает избавиться от пережитого ужаса, вот и мерещатся теперь кругом быки».

Глава 3. РЖАВЧИНА НА ПОГОНАХ

На утренней пробежке молчали все. Даже самые говорливые не проронили ни слова, уйдя в свои мысли, размышляя о возможных причинах ночного инцидента. Мозоли от неправильно

намотанных портянок и нарушенная привычка старослужащих отсутствовать на зарядке не могли отвлечь от тяжелых раздумий.

Все понимали, что ЧП не пройдет без последствий. Открывшаяся рана будет долго кровоточить и до конца не исчезнет, оставшись неровным шрамом на теле всего коллектива. Масса вариантов, от простых объяснений до фантастических сюжетов, облаком кружилась над топящим строем.

«Что же это получается? — думал Денис, глядя перед собой на дорогу с мелькающими каблуками. — Это я Фархода поломал?! Прямо из сна воздействуя на физическую оболочку? Разве такое бывает? Я и раньше осознавал себя во сне, правда, давно это было, и навряд ли влиял на реальность. А если... Да нет, не может быть. А если и тогда... что получается, мои мимолетные сексуальные приключения... ну я попал. Смешно даже думать об этом, тем более верить. Чудес не бывает.

Ни в одной книге такого не встречал. Даже у Кастанеды в его наполовину, скорее всего, придуманных произведениях нет ничего похожего. Это точно совпадение. Наверное, произошла драка и, чтобы снять напряжение, придумали небылицу. А Фарход молодец, не сдал никого. Точняк. Я же не волшебник... а как было бы круто владеть такими навыками. Я бы развернулся, наделал бы делов.

Такие возможности бы открылись... да. Весь мир у моих ног. Остается только фантазировать... Эх. Да ладно. Не буду допускать даже мысли, что это я его. Такого просто не может быть, и надо быть последним идиотом, чтобы в это поверить. Но сон был еще тот, даже от одних воспоминаний мурашки по спине. Обладать бы такой силой. Бычьей силой. Да! Таких ярких снов еще не видел. Реальных и ярких.

Если он и воздействовал на реальный мир, так только на меня. На меня — и больше ни на кого. Все-таки это пережитый опыт, а мозг не различает, реальность это или глюки, он воспринимает все буквально. Я чувствую себя решительней, и страха перед Фарходом как не бывало. Хотя кто знает, сейчас он в больнице, и, может, поэтому не беспокоюсь, а когда вернется... Да нет. Не может быть.

Такую решительность и смелость я не чувствовал до этой ночи, да и тело, кажется, стало сильнее. А может, это просто гормоны то повышают тонус, то понижают. Вот сейчас брызнула в кровь доза адреналина и мышцы заиграли — но временно, только на период их действия. Вот это больше похоже на правду».

Глубокое дыхание и чеканка тяжелых сапог спаялись в шаманский ритм, погружая солдат в своеобразный транс — сплоченный, подпитываемый силами, позволяющий не замечать усталость и выдержать до конца даже самым слабым. Дух единения нес солдат по пересеченной местности, незаметно понижая громкость раздумий, отключая внутренний диалог, повышая выносливость и стойкость каждого.

Воздух был сырым и колючим, он обжигал легкие при каждом глубоком вдохе, но никто не смел сбиться с темпа. Денис чувствовал, как пот тонкой струйкой бежит по позвоночнику, заставляя х/б прилипать к спине, но это раздражение только помогало не провалиться в сон на ходу. Впереди маячили широкие спины товарищей, ритмично взлетали и падали сапоги, выбивая из промерзшей земли глухую дробь. В этом монотонном движении была своя правда: пока ты бежишь в строю, ты часть чего-то целого, и никакая чертовщина не может достать тебя, пока плечо соседа чувствуется рядом

Тревога витала несколько дней. Привычный ритм солдатской жизни нарушился. Офицеры практически все время отсутствовали, оставив дивизион на попечение прапорщиков и сержантов. А командир ушел в запой, стараясь смыть алкоголем ржавый налет депрессии.

Слушая военные песни и глотая скупые слезинки, он предавался ностальгии и задумывался о смысле жизни, не понимая, для чего все это. Чего он добился? Где взять сил и терпения, и без того безжалостно подточенные разъедающей кислотой перестройки? Рушилось всё. Всё,

чему его учили, уходило в небытие. Всё, чем он гордился, поливали грязью, беспощадно топтали и перекраивали в удобные одеяния под свои алчные душонки. Страну растаскивали без стыда и совести, заклеивая последний здравый смысл ваучерами, присваивая то, что веками копила Родина.

«А тут еще чертовщина, — крутилось в хмельной голове. — Дурака из меня делать? Не позволю. Еще никто из меня дурака не делал. Переверну все в тартарары, железными рукавицами выдавлю гниль».

Осознание беспомощности рвало сердце, сбивая дыхание. Жена и сын поспешно уехали к маме в город, зная, что в такие моменты лучше мужа не трогать. И он в одиночестве открывал целые бутылки и отставлял в сторону пустые строго по линии, как строй.

Замполит решил, что так продолжаться больше не может. Он решительно поднялся на второй этаж и громко постучал к комдиву. Из-за двери раздался шум падающих предметов и звон стекла. Майор постучал еще раз.

— Кому что... Что надо?.. — сдавленный голос вконец опьяневшего командира с большим трудом просочился сквозь преграду из дерева и дерматиновой обивки. — Пшел туда, откуда пришел...

Постучав в последний раз, замполит толкнул дверь. Она оказалась незапертой и легко поддалась.

В квартире стояла та особенная, звенящая тишина, которая бывает только в жилье, откуда внезапно ушла семья. В прихожей одиноко висела детская куртка, а в воздухе застыл запах пустых комнат и крепкого чая. На столе не было гор мусора, только пустая бутылка, стоящая строго параллельно краю, и начищенная до блеска пепельница, которую он опорожнял после каждой выкуренной сигареты. Эта педантичность в мелочах на фоне полного личного краха выглядела страшнее любого беспорядка. Командир не опускался, он просто выгорал изнутри, сохраняя внешнюю форму, за которой уже не осталось ничего, кроме гулкой пустоты и эха прошлых боев

Невольно скривившись и выражая брезгливость, он вступил в разговор:

— Здравия желаю, товарищ капитан. Разрешите?

Заметив пистолет в руке командира, он замер у двери в нерешительности и затоптался на месте. Бойчишин сидел в кресле без брюк, в семейных трусах, закинув одну ногу на подлокотник. Мундир был надет на голое тело и поблескивал знаками отличия. Фуражка съехала набок, из-под неё торчал рыжий чуб.

— Какое на хрен здоровье? Кончилось здоровье. Похоронено под плащом... Дай бог... ромашка пробьет этот асфальт и напомнит мне о здоровье. Зверье, умосохо... Что тебе надо?.. Что приперся?.. Командира не видел? Морду скорчил... Не нравится — я тебе объясню, что значит «нравится»... На — смотри вот... Всех перестреляю... на хрен. Всех. Я научу вас Родину любить... Умосохоносы... блин, — он попытался встать, но, поняв, что это ему не под силу, уронил тело обратно в кресло. — Я тебя первого... К стенке... Первого. Где страна? Где, я тебя спрашиваю? Кто ты?.. Что ты... зампол гребаный?.. Пшел вон. Пристрелю, с-с-с...

Замполит выскочил в коридор от греха подальше и направился к особисту. Найдя его в кабинете, рассказал о случившемся:

— Он же невменяемый... — убеждал он капитана Сычева, прибывшего из полка для проверки сигнала о бойне на кухне. — Посмотрите сами. Пистолетом размахивает. Да он готов любого пристрелить. Учитывая, что он имеет опыт боевых действий в горячих точках, от него можно ожидать чего угодно... Я принял решение вызвать специалистов и доложить вышестоящему руководству.

— Не гони борзых, майор, — дружеским тоном начал особист и продолжил с оттенком убеждения, в котором он был мастером: — Капитан не отморозок. К тому же можно обойтись

и собственными силами. Слушай меня. Зачем вам лишние проверки, а? Специалисты и в стоге сена откопают боевые головки, а ты хочешь впустить их к нам. Да ни одного клочка без внимания не оставят. Дай повод — полетит голова, и не только командира, но и твоя. Ты этого хочешь?

— Нет, конечно. Никто не хочет...

— Значит, слушай сюда. В полку служит его однополчанин. Они как братья, как патроны в одной обойме. Всегда чувствуют плечо поддержки, — особист заговорил в трубку, одновременно набирая номер. — Так! Тихо! — он на мгновение закрыл микрофон ладонью. — Здравия желаю. Капитан Сычев. Позовите к телефону подполковника Ледовского... Да-да... Срочно... Жду.

Через несколько попыток он все-таки дозвонился до Ледовского и, обрисовав ситуацию, удовлетворенно откинулся на стуле:

— Дело сделано. Через полчаса полкан будет на месте.

Замполит расслабился.

— Когда голова в неадеквате, — пустился он в философию. — то и все тело страдает. Командир в запое, а это не очень хорошо для всего дивизиона, и верно ты это сделал. Без пыли и запаха разрешить эту ситуацию, это высший пилотаж. Лишь бы он не пристрелил товарища.

— Ну ты выдал. Это в первый раз бутылки осушает? Никого же не пристрелил до этого времени, это все хмель играет, по секрету тебе скажу, может пригодится в следующий раз, чтобы портки не обмочил ненароком: Пистолет то без патронов. Перед алкогольным забегом он боевые сдает на хранение жене. Пустым пистолетом размахивать это как аргумент для нужного внушения — своего рода триггер.

— Я и удивился. Разумный человек до петельки на погонах, а тут погнал. А но вон как, все просчитано у него, для любого случая. Патроны у жены, жена не дома. Да уж, напугал меня куском железа.

— Его боевой товарищ, Ледовский офицер коих поискать. Тыловые гимнастерки в ряд не стоят.

Однажды, я разделял с ними компанию. Выпили не хило, чего греха таить. Вот послушай, и как ты думаешь, не получится у него совладать с разбушевавшимся однополчанином или нет.

С самого раннего детства он грезил о военной службе. И прошел же этот путь от рядового до подполковника ФСБ России. Несколько войн за плечами и межэтнические конфликты не прошли его стороной. Вот так.

В Афгане участвовал в ликвидации крупнейшего бандформирования в Пандшерском ущелье. Позиции — крепость, можно взять, но дорогой ценой. Мальчишки и на гражданке пригодятся, а кидать их в мясорубку сродни преступлению.

Лучший выход — это накрыть все огнем артиллерии с авиацией для верности. Но сам знаешь, стрельба в молоко бесполезна. Как думаешь, что придумали? Вот ты бы что предпринял?

— Разведка, может.

— Хренедка. Разведка. Незаметная вылазка кроликов в пасть Панджшерского льва. Слушай сюда. Десант выбросили.

Выдержав паузу дождавшись апогея напряженности, особист продолжил, перебив аргумент замполита, что мол сам говорил про напрасные жертвы, а тут десант.

— Десант из мешков с песком.

Сычев довольный откинулся на спинку стула.

— Представь десант из мешков. Душманы давай их уничтожать, добавляя песка в ландшафт Афгана. Точки откуда вели огонь зафиксировали, а дальше дело техники. Накрыли гниду плотным огнем. Сколько солдат сохранили, можно только предполагать.

Фактор победителя сыграл с ним плохую службу. Нарушили приказ, БТР связи покинул точку без прикрытия с воздуха. В одном из ущелий засада, а этот... для связи не брони нормальной ни бортового вооружения. Осколками Ледовского прошило, спасла его рация.

Он ее крепко прижимал к груди среди этого хаоса, она и приняла основной град осколков. Но часть все же его зацепила. Контузия и множество повреждений. Врачи сказали — смертельно, но жить будет. После госпиталя, он правдами и неправдами продолжил службу. Вот так-то. Иди уже, служи дальше.

Бойчишин вскинул пистолет, когда дверь открылась и в проходе появилась чья-то фигура. В глазах двоилось, и он не мог разглядеть гостя. — Пристрелю... Душара...

— А не поймаешь ли пулю в ответ?

Веселые интонации знакомого голоса — голоса, которым он дорожил. Он не раз поддерживал его в трудные времена, вселял надежду и помогал выжить. Никакой холодный душ не смог бы так привести в чувство, как сделали эти простые слова друга. В глазах появились искры разума, и, широко улыбаясь, капитан ответил:

— Ну ты... Ты можешь.

— Могу. Еще как могу. Ты знаешь... брат! Один сидишь?! А я что — насрано? Мог бы мне позвонить. Товарищ называется... Давно не собирались, — говоря это, Ледовский развалился на соседнем кресле. — Пистолетом кончай махать. Давай сюда... Да давай уже, в сейф уберу попозже. А сейчас наливай, зря, что ли, тряся по твоему бездорожью? Посидим, товарищей вспомним... А что нам еще нужно?

— Сейчас организую. Сейчас что-нибудь на стол сооружу.

— Да сиди уже, я сам посмотрю, что у тебя в холодильнике. А пока дай выпить. Ну а ты, брат, пропускаешь. Пропускаешь, пропускаешь. Без возражений. Мне тебя догнать еще нужно... Ну! За тебя!

— За нас... Только за нас. Как я рад тебя видеть... Ты не представляешь. Только ты меня понимаешь... А эти... — он махнул рукой. — А эти пусть идут лесом... Гори все огнем. Как меня это все задолбало... Ты понимаешь меня? Задолбало... Сердце ноет, спать не могу... Куда мы пришли?.. Финиш. Амба...

— Пусть идут. За нас так за нас, — подполковник выдохнул и залпом опрокинул граненый стакан.

Дружба творит чудеса, созидает прекрасное, возвышает приниженное, дает глоток свежего воздуха в душных жизненных тупиках. Дружба — это любовь, но, в отличие от нее, в ней нет одного шага до ненависти. Дружба не может быть безответной. Односторонней дружбы не бывает — это всё что угодно: преклонение, пресмыкание... но не дружба.

Родителей не выбирают, так и настоящий друг входит в нашу жизнь неожиданно и навсегда, до самой смерти согревая воспоминаниями, душевной поддержкой и верностью. У Бойчишина был такой друг, проверенный песками Кандагара, скрепленный кровью потерь и радостью побед — Сергей Ледовский. Только он мог выдернуть его из передраг без последствий, играючи и с легким юмором.

Через день комдив бодрым шагом вышел из офицерского общежития. Форма была с иголочки, сапоги блестели. После беседы по душам боевой офицер был полон сил и энергии. Наметив план действий и выработав стратегию дальнейшей службы, он ворвался в дивизион как вихрь, разметая хандру и выводя из дремоты.

«Я научу вас кашу из топора варить — без приправ и крупы, — крутилось в голове. — Плов они кушают. Каждую минуту — с пользой для боевой подготовки. Расслабились. Расслабление отменяется, я сказал».

Глава 4. МАРШ В НИКУДА

«Расслабление отменяется». С этой короткой, но хлесткой фразы начал Бойчишин свою речь на утреннем построении. И говорил много, с жаром взывая к боевому духу и расписывая предстоящую череду учений. Новость задела не только солдат — офицеры тоже поежились, поглубже втянув шеи в воротники. Перспектива сутками возиться с капризной техникой в промозглую весеннюю погоду, когда сибирский ветер прошивает шинель насквозь, не радовала никого. Одна только мысль о промерзшем железе и ледяном мазуте гоняла колючий озноб по спинам.

Сразу после ужина, беспощадно оттяпав у дивизиона драгоценный час личного времени, комдив собрал всех в кинозале. Обычно на трибуну поднимался замполит, монотонно бубня о политической подготовке и успехах соцстроительства, но на этот раз командир решил вещать сам. Это лишь подтвердило худшую догадку: умиротворенные дни подошли к концу, освобождая место напряженным часам.

Эта лекция о боевом пути ЗРК С-75 была лишь затянувшейся прелюдией к настоящим испытаниям на прочность. Дивизион замер в ожидании экзамена на выдержку, который им предстояло сдать по воле своего главного координатора, «батяни» — капитана П., как его называли за глаза, — единственного бога на этой территории, ограниченной колючей проволокой в нескольких десятках километров от Кемерово.

Рахимов, незадачливый владелец злосчастной клизмы с вином, уже в полной мере вкушал прелести наказания на «красной» гауптвахте. Красной её называли не ради красного словца, а из-за конвоя — бойцов внутренних войск с их характерными алыми погонями. В солдатской среде ходила мрачная истина: лучше десять нарядов на кухню, чем один день на «губе» у «краснопогонников». Не пользуясь уважением ни у гражданских, ни у других родов войск, «вэвэшники» с каким-то изощренным упоением отыгрывались на осужденных с другим цветом погон. Это были настоящие «погонные расисты», для которых унижение армейца стало чем-то вроде профессионального спорта.

Остальные участники ночного пиршества отделались «малой кровью»: нарядами вне очереди и бесконечными, изматывающими беседами по Уставу. В свете этих событий даже самые дерзкие старослужащие заметно поутихли, и Денис, пользуясь временным затишьем, начал понемногу адаптироваться в новом коллективе — без лишней спешки и суеты.

В кинозале место ему досталось рядом с рядовым Поповым. Этот персонаж — грузный, с тяжелой квадратной головой и вечно сальным лицом — раздражал Дениса своим дурацким занятием: он постоянно, с мерзким сухим звуком щелкал суставами пальцев. «Не повезло, — тоскливо подумал Денис, слушая этот костяной перестук. — Достал уже, шелкунчик хренов». Он легонько, но ощутимо ткнул соседа локтем в бок. Тот выставил вперед тяжелую челюсть и неприязненно скосил глаза.

— Задолбал хрустеть, — шепотом огрызнулся Денис. — И так тошно.

— Тебе-то чё? Мои пальцы — чё хочу, то и делаю, — Попов с вызовом уставился Денису прямо в глаза и еще сильнее потянул фаланги, выжимая из них особенно громкий хруст.

— Разговорчики там! — хлесткий голос прапорщика, стоявшего у стены, мгновенно оборвал перепалку.

Комдив тем временем занял место за трибуной. Он зачитывал тактико-технические характеристики комплекса, уходя в историю Вьетнамской войны, где советская техника приводила в трепет хваленую американскую военную машину. Затем перешел к арабо-израильскому

конфликту. Информация о сбитых самолетах пестрила такими фантастически завышенными цифрами, что даже сам Бойчишин иногда непроизвольно ежился. Он-то прекрасно знал неистребимую любовь советской армейской бюрократии к «припискам» и героическим преувеличениям.

— Запомните, товарищи бойцы: мобильность комплекса увеличивается прямо пропорционально количеству тренировок по сворачиванию и разворачиванию техники. Вот этим мы и займемся в самое ближайшее время.

Дивизион не шелохнулся, застыв в тяжелом, предчувствующем беду молчании.

На следующий день Денис, оказавшийся не в наряде, праздно слонялся по казарме, когда к нему вразвалочку подошел Александр — тот самый дембель, что вмешался в конфликт с Фарходом.

— Ну что, служивый? Подвезло тебе, — проговорил он не по-дружески, а ехидно. — *Fortuna non renis, in manus non recipere*. Каждый должен отвечать за свои поступки. Хоть Фарход и не нашего племени, но все же дембель, и спросить за него придется нам. А иначе — где уважуха?

Денис с опаской посмотрел на старослужащего и напрягся, но тот лишь усмехнулся:

— Не тушуйся, бить не будем. Остр ты на язык — посмотрим, как силен телом. — Александр оценил взглядом высокую худощавую фигуру Дениса. — Видно, спорт тебе не подруга. Вот перекладина. Пятнадцать раз должен подтянуться, за каждую осечку — чилим. Подтянешься пять раз — за вычетом десять чилимов лови. Ни разу — тогда держи пряжкой по булкам.

Денис вздохнул с облегчением. Турник был его верным спутником еще со школы: пятнадцать подтягиваний в седьмом классе для него не были проблемой, а сейчас — и подавно. Подтянуться на одной руке три раза было его личной «фишкой», козырем в рукаве.

— А на одной руке пойдет? — спокойно спросил он Александра.

— Ты в натуре дерзкий парень. Шутник, вперед на турник! Готовь булки или лысину, — дембель скрестил руки на груди, ожидая потехи.

Гимнастическая перекладина стояла прямо посреди казармы. Денис бодро подошел к ней и, подпрыгнув, вцепился левой рукой в холодный металл. Чисто, без рывков, он подтянулся пять раз, побив собственный рекорд. Спрыгнул, встряхнул кисти, тут же взлетел снова и сделал двенадцать «выходов на две». Затем, не слезая, добавил еще пятнадцать обычных подтягиваний. Энергия гуляла по всему телу; казалось, в этот миг он способен перевернуть мир.

Александр молча пожал Денису руку. Он не нашел, что сказать — лишь усмехнулся, озадаченно дернул головой и пошел искать Жору, пребывая в явном ступоре от увиденного.

Неделя пролетела в ожидании учений. Последняя относительно спокойная ночь канула в прошлое.

Вой сирены опередил команду «Подъем!». Начались учения — первые в жизни Дениса. Не зная толком, за что хвататься, он отдался течению суестьющихся тел. Автомат Калашникова и ручной пулемет Дегтярева (РПД) немилосердно оттягивали плечо. Противогаз и сумка с сухпайком добавляли неуклюжести, превращая его в навьюченного верблюда.

Три батареи дивизиона разлились зелеными реками по территории. Третья отвечала за автопарк и снабжение, вторая — за сборку и заправку ракет. Ипатов попал в первую, обеспечивавшую живучесть и связь кабин управления ЗРК.

Почти все, кроме Дениса, щеголяли в теплых танковых комбинезонах. Сырой весенний ветер тянул холодом от тающих сугробов. Денис, поначалу вспотевший от тяжести снаряжения, быстро продрог до костей. Он толкнул плечом стоящего рядом Довлатова и, кивнув на чужую теплую форму, спросил:

— Где такие выдают?

— Что, замерз, командир? — Довлатов шмыгнул носом. — Комбезы вообще-то только «кислотникам» положены, кто ракеты заправляет. У них участь собачья. Но в том году на сборе антенн боец пальцы отморозил... Замполит у нас — человек, решил всех снабдить. Почти всех одел.

— Так почему я в шинели?!

— Ты только прибыл, на тебя, видно, не хватило.

Денис поспешил к прапорщику-снабженцу, но тот лишь раздраженно отмахнулся:

— Нету. Закончились. Их за полгода заказывают, а ты с луны свалился. После учений подойдешь — выпишем.

— Как после учений? Я же замерзну! Зачем труппу форма?

— Отставить разговорчики! Свободен. Еще никто тут не окошел, замерзнуть не дадим. Вон, твои уже тронулись, а ты тут лясы точишь. Бегом марш на позицию! Без тебя забот — гребни лопатой.

Проклинаая снабженца, тяжелые автоматы и всю армию разом, Денис бросился догонять строй. Буркадзе, увидев его, удивленно округлил глаза:

— Ты что, голый? Шинель в такую погоду — это купальник, брат. Совсем прапор зажался?

— Да нету, говорит.

— У него-то нет? — с ухмылкой бросил Беридзе. — В Греции всё есть... Зажмотил, как всегда.

— Сапогу хана пришла, — подхватил тяжело дышащий Пипр. — Месяц просил... Больше! Пока к замполиту не пошел, прапор ни в какую. А тут сразу три пары новых выставил. «Выбирай, — говорит, — что ж ты сразу не сказал...» Ага! Месяц за ним ходил, а он — «сразу не сказал». Хитрый, жадный...

— В кабину греться чаще бегай, — напутствовал Смирнов. — Не геройствуй. Всё равно от тебя пока толку мало, будешь на подхвате. Смотри, учись. В следующие учения пригодится. А там лето, комбез не нужен, к зиме раздобудешь. Только на новый соглашайся. Прапор хитрый: новый себе замылит, а тебе старый после «кислотников» сосватает. А там — сам понимаешь. Ракету окислителем заправляют, ткань насквозь пропитана, кожа потом лохмотьями слезет. Это уже третьи учения за год. Психанул командир из-за Фархода, теперь будет с нас три шкуры драть. Первые маневры всегда тяжело, весной холодно, но не смертельно. Хотя отморозить кое-что можно за милую душу.

Дениса удивил этот длинный монолог обычно молчаливого Смирнова. «Отличный парень, — подумал он. — Хоть в чем-то повезло. Был бы в подчинении "дед" с садистскими наклонностями — и хана. А этот спокойный. За него держаться нужно».

Каждый, кроме Дениса, четко знал свое место и задачу. Отделения кинулись к кабинам. «Кислотники» сустились вокруг пусковых установок. Денис помогал отсоединять тяжелые кабели и наматывать их на катушки. Озябшие пальцы плохо слушались, металл обжигал кожу ледяным холодом. Когда все жилы были отключены, их занесли внутрь. Кабины спустили с домкратов на колеса — дивизион был готов к маршу.

Сложнее всего было сворачивать кабину «П». Множество трубок, антенн и кабелей требовали предельной аккуратности. Именно здесь Денис окончательно понял причину прозвища командира: у кабины, как и у него самого, во все стороны торчали «уши» — две локаторные тарелки. Это открытие его немного развеселило. Работа на высоте усложняла задачу, и только к обеду всё было готово к маршу.

Про завтрак никто и не вспомнил. Разместившись в кабинах, перекусили сухпайком. Кабины подключили к генераторам и на совесть протопили тепловыми пушками. Промерзший до костей Денис мгновенно пригрелся. Зевнув и плотнее закутавшись в шинель, он спросил:

— Что дальше? Поедем куда-то?

— Поедем, — ответил Смирнов, проверяя крепления. — На запасную позицию. Там развернемся, поставим палатки. Поживем недельку в поле, опять свернемся — и назад.

Наконец многотонный комплекс тяжело вздрогнул и тронулся. Денис представил, что придется еще как минимум трижды возиться с ледяными железками, сильнее замотался в шинель и задремал под мерное покачивание и гул двигателя.

В углу остывающей кабины он мирно посапывал, подставив лицо теплу. Топили до этого безбоянно, но сейчас он остался в кабине один. Комплекс прибыл на место назначения. Отделение, посоветовавшись, решило, что от новичка на морозе толку пока мало, а смотреть, как он трясется в своей шинели-«купальнике», было невмоготу. С негласного разрешения лейтенанта Краснова они оставили Дениса досыпать и начали развертывание своими силами.

В это время по полигону слонялся младший лейтенант Шуйский. Он пришел в часть всего неделю назад — «двухгодичник» после военной кафедры. Продрогший до костей, в свитере под шинелью, он походил на пленного немца под Сталинградом. Невысокий и щуплый, Шуйский крайне плохо переносил холод и искал любую возможность согреться.

Повстречав Краснова, он «стрельнул» сигарету и вскользь поинтересовался:

— Ну что, служба идет?

— Норм. Сворачиваться было дольше. Болты выкручивать — руки сломаешь, но мы их солидолом протерли, теперь пойдут как по маслу.

— Погреться бы не помешало... Есть место? — Шуйский зябко передернул плечами.

— В кабине у нас можешь. Натопили там как в бане, сутки остывать будет.

Краснов поморщился, наблюдая, как Шуйский деловито прячет недокурную сигарету за клапан ушанки «про запас».

— А ты, я посмотрю, запасливый...

— А то! — Шуйский даже не смутился. — Что добру пропадать? В поле каждая затяжка на вес золота. Дай еще парочку, а? Гулять так гулять.

Запас сигарет пополнился, но Шуйский даже не подумал выдать из себя «спасибо». Для него это было в порядке вещей: если кто-то дает — значит может, и грех не воспользоваться чужой щедростью. Трудное, «недолюбленное» детство оставило на его характере слишком глубокий отпечаток.

Родители Шуйского поженились наспех, едва соскочив со школьной скамьи. Любовью там и не пахло — просто гормоны сыграли злую шутку. Мать забеременела, и пришлось «оформлять отношения». Отец, так и не повзрослевший, роль заботливого главы семейства всерьез не воспринимал. Зато он страстно полюбил азартные игры, быстро оброс долгами и в один прекрасный день просто растворился в неизвестном направлении. Дальнейшая судьба отца Шуйского не интересовала, как не интересовала и родителя участь брошенного сына.

Мать со временем создала новую, «правильную» семью, но сын от первого брака — живое напоминание о позоре и предательстве, да еще и до пугающей жути похожий на папашу-беглеца — стал в родном доме изгоем. С рождением младшего брата о существовании старшего забыли окончательно. Он рос как дикая трава на заброшенном пустыре — не политая, не удобренная, озлобленная на всё цветущее.

После школы он сбежал в другой город, поступил в институт, но и там коллектив инстинктивно чувствовал в нем «гнильцу» и всячески избегал общения. Острая обида, черная зависть к чужому благополучию и непоколебимая уверенность в том, что весь мир ему по гроб жизни должен, стали его единственными верными спутниками.

На лице Шуйского отразилась кислая озабоченность, словно он делал Краснову великое одолжение, соглашаясь на тепло.

— Бывай, — бросил он через плечо. — Пойду всё же погреюсь, а то кости уже звенят. Где, говоришь, твоя кабина? Понял... Ну, работайте, работайте.

Шуйский воровато подошел к «единице». Быстро огляделся по сторонам, убедившись, что на пустынном полигоне за ним никто не наблюдает, с лязгом оббил обледеневшие сапоги о металлические ступеньки и юркнул внутрь кабины «А». В полумраке, пропитанном запахом канифоли, дизельной гари и перегретого железа, он не сразу сообразил, что бесформенная кипа вещей в углу — это живой человек.

Услышав мерное сопение, младший лейтенант подошел поближе. Его лицо исказилось в нелепой гримасе: он собрал глубокие складки на лбу, растопырил руки, словно крылья, и, вытянув губы трубочкой, выдал с визгливой, задиристой интонацией:

— Это что за херня такая?! — и наотмашь пнул Дениса по тяжелым сапогам.

Денис заворочался, с трудом приоткрыл свинцовые веки...

— Что? Подъем? — Денис тряхнул головой, пытаясь сбросить остатки тяжелого сна.

— Я те дам подъем! — Сапог офицера чувствительно пришелся по икрам. — Быстро на позицию! Люди там мерзнут, а ты тут массу давишь...

— А почему меня не разбудили? — Денис непонимающе уставился на щуплую фигуру в полумраке.

— Может, тебе еще кофе с какао принести?!

Шуйский, распаяясь от собственного крика, дернул Дениса за рукав и ударил по спине, а следом нога офицера полетела в «мягкое место». Денис спросонок не сразу сообразил, кто перед ним, но насилия не потерпел — жестким блоком отбил ногу Шуйского и наотмашь оттолкнул его от себя.

— Ты что... Ты на кого?! — проскрипел младший лейтенант, захлебываясь от возмущения. Его кулак, нацеленный в челюсть, со свистом разрезал воздух — Ипатов легко отклонился назад, словно заранее знал траекторию удара.

— Да пошел ты! — в сердцах бросил Денис и, не дожидаясь «продолжения банкета», пулей выскочил из кабины.

Холодный воздух звонкой пощечиной ударил по разогретым щекам. Снаружи уже густели сумерки. «Это сколько же я проспал? — озираясь, лихорадочно соображал он. — Влетит теперь по первое число. Но почему пацаны меня не тронули? Зря я его толкнул, ох, зря... После случая с Фарходом любая искра — и в ключья. Ладно, поздно пить "Боржоми", будем смотреть по обстоятельствам. И куда это нас вообще занесло?»

Поначалу Денис не узнал местность. Лишь позже до него дошел весь масштаб командирского замысла. Бойчишин, желая до автоматизма натаскать личный состав и выжать рекордную скорость передислокации, устроил «марш в никуда». Выехав за ворота, комплекс намотал сотню километров по кругу и вернулся в ту же точку, откуда стартовал утром.

Поздний ужин проходил уже в родных стенах столовой. Все участники «кругосветки», оглушенные непобедимой усталостью и тихим счастьем от того, что этот абсурд закончился, после беглых водных процедур и сдачи оружия просто рухнули в койки, проваливаясь в черное, бездонное забытие.

ГЛАВА 5. КОМАНДИРОВКА

Тень уродливым пятном с рваными краями проползла через трассу, проходящую невдалеке от дивизиона, прошла по полю, раскрасив на время грязный от заводской копоти снег, пересекла границу воинской части, задела офицерский городок и, поднявшись по стене казармы, растворилась, впитавшись в камни.

Можно было подумать, что это тень от облака, гонимого усиливающимися порывами весеннего ветра, если бы не одно обстоятельство: было пасмурно, и небо полностью затянуто. Голубой отлив подтверждал, что это нечто другое — зловещее и не несущее ничего доброго.

На следующий день после учений Дениса вызвали к замполиту для важного разговора. Воскрес инцидент с Шуйским: «Все-таки доложил летеха», — мелькнуло в голове.

Тело все ныло, и мышцы ломило после вчерашних кульбитов с неподъемными катушками кабеля. Отлежаться бы дня три, а лучше — на курорт для восстановления. «Служба закаляет, — любил говорить замполит, — а хорошая служба — вдвойне. Придет время, и будете с теплотой вспоминать о солдатских тяготах. С ностальгией».

Денис, готовый к любому исходу диалога, с тяжелым сердцем взялся за дверную ручку. Майор, ожидая младшего сержанта, стучал пальцами по столу и мычал мелодию «Журавлей», вклиниваясь в голос Марка Бернеса, доносившийся из радио.

Стук в дверь вывел майора из лирического настроения. Приняв презентабельный вид, он гаркнул как можно сердитее:

— Да-да, младший сержант, проходи. Жду тебя с нетерпением... — Выдержав паузу, он продолжил: — И как ты допустил такое?

Пристальный взгляд майора не предвещал ничего хорошего. Командир всегда напускал страху, даже если вызывал для похвалы и поощрения. Он любил наблюдать за реакцией подчиненных и считал это неплохой шуткой. Даже на день рождения жены, пряча цветы за спиной, он начинал сердито: «Как ты могла?!» Жена, привыкшая к такому, подыгрывала и восклицала: «Что... что я наделала, милый?» А он, довольный собой, протягивал букет и завершал: «Как ты могла, гражданка, даже в мыслях допустить, что я приду без цветов?»

Так и сейчас: он сидел в решительной позе, развернувшись к двери и выставив одну ногу немного вперед. Опершись о колено рукой, другой он нервно крутил карандаш между пальцами.

— Здравия желаю, товарищ майор. Младший сержант Ипатов по вашему приказанию прибыл, — стараясь как можно бодрее, отчеканил Денис, но неровный голос и неловкие движения выдавали волнение.

— Еще бы не пожелал. И тебе желаю, — грозный тон к концу предложения сменился дружескими интонациями. Замполит откинулся на спинку стула и посмотрел на Ипатова тем взглядом, которым смотрят на человека, узнав о нем нечто новое и неожиданное. Он будто примеривал на Дениса новый костюм — невольно открывшееся качество, стараясь приладить его к образу и одновременно обдумывая, как это может пригодиться в дальнейшем.

Затем он перевел взгляд на календарь, висевший на стене.

— Так, значит, ты творческая личность. Незаменимая единица! — он еще раз окинул Дениса взглядом с головы до ног и продолжил: — Не успел ты прибыть в дивизион... как сразу же...

Денис передернулся, мысленно закончив фразу замполита: «Злостно нарушил дисциплину», — и ошибся.

Замполит продолжил голосом, в котором слышалась наигранная досада:

— Отбываешь. Отправляешься в командировку в штаб армии ПВО по запросу. Когда такая незаменимая единица может пригодиться и тут, в родной части... Ладно. Вот тебе приказ. Сегодня в наряды тебя не ставят. Собирайся, выпиши увольнительную, постирайся и погладь форму. Завтра с утра на вокзал, купишь билет и отправляйся к месту назначения. Все понял?

— Так точно, товарищ майор! — выпалил Денис, не зная, радоваться этому или огорчаться. — Зачем? А кто еще едет?

— Один отправляешься. Няньки немає. Штабу художники требуются. Запрос на тебя пришел. Видно, хороший ты художник, Ипатов. Что же ты молчал? Так, наверное, хотел в тайне оставить свои таланты? А зря. Художникам везде почет. Будем надеяться, долго тебя не продержат. А вернешься — найдем применение твоим талантам. Альбомы дембелям малевать не позволю: найду — накажу, а альбом уничтожу. Понятно? Понятно. У нас красная комната

до конца не оформлена, да и рекламные щиты вокруг плаца требуют марафета. Так что готовы кисти, карандаши и что там у вас еще... Вернешься — и за работу. А сейчас кругом! Шагом марш! Художник, вашу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.